

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

ПЕТР ЛОЗОВЮК

(Западнечешский университет: Чехия, г. Пльзень, CZ-306, ул. Седлачкова, д. 15)

Аннотация. Данная работа посвящена вкладу австрийского этнографа и историка Р. Ф. Каиндла в изучение восточнославянских народов и, в частности, его методологическо-теоретическому представлению этнологического исследования. Интерпретационной рамкой для оценки этнографического творчества Каиндла на переломе XIX и XX вв. стала европейская этнология (*Ethnologia Europaea*), которая в статье обозначена как своеобразная исследовательская традиция изучения человека и общества. Автор считает, что вклад Каиндла в развитие европейской сравнительной этнологии заключается в его эмпирически ориентированных этнографических работах, благодаря которым средневропейской публике был открыт свет пленительной восточноевропейской экзотики, а так же в антиципации дальнейшего развития европейской этнологии как таковой.

Ключевые слова: «европейская этнология», Р. Ф. Каиндл, история этнологии, этнологическая теория.

Термином «европейская этнология» (*Ethnologia Europaea*) сегодня обычно обозначают изучение культурно-обусловленного поведения в ситуации комплексных индустриальных или постиндустриальных обществ (ср.: [Kaschuba, 1999]). Одна из особенностей данного исследовательского подхода заключается в попытке преодолеть узконациональную ориентацию отдельных научных традиций, сложившихся как этнографии, «практикующееся в границах национальных государств, языков и культур» [Roth 1995, 166]. По этой причине этнологами, которые относят себя к сторонникам этой концепции, особое внимание уделяется сравнительной рефлексии межкультурных отношений. Завершающий этап формирования исследовательской концепции «*Ethnologia Europaea*» можно напрямую связать с инициативой патриарха шведской этнологии Сигурда Эриксона, при-

ведшей к появлению во второй половине 1960-х гг. одноименного журнала (срав. [Erixon 1967]), и решением молодых западнонемецких этнографов дистанцироваться от прежней трактовки и традиционного обозначения данной области исследования.

Так, в немецкоязычных землях с начала 1970-х гг. обозначение «*Volkskunde*» заменено термином «*Europäische Ethnologie*». Этот термин имеет отношение не только к территориальному определению, но и к теоретико-методологической направленности дисциплины. Сегодняшнюю концепцию европейской этнологии необходимо понимать как специфическую форму дисциплины, исторически принадлежавшую к континентальной (прежде всего средневропейской) традиции изучения человека и групп людей. Становление этнологии как особой науки надо воспринимать именно

как разнообразный процесс, результатом которого было создание различных исследовательских традиций, сформировавшихся в рамках больших языковых или территориально-политических единиц. Для средневропейского пространства, Скандинавии и стран Юго-Восточной Европы определяющей стала немецкоязычная этнографическая традиция, помимо нее далее можно выделить русскоязычную, франкофонную, голландскую и англосакскую (в ее британской и американской формах) традиции.

Каждую из этих геологических исследовательских областей можно рассматривать как автономную единицу, внутри которой впоследствии была утверждена особая этнологическая парадигма. С этой точки зрения исследовательские конфигурации далее можно делить на отдельные «национальные школы», а те далее — на местные субтрадиции. И в истории средневропейского осмысления прослеживаются разные трактовки данной области изучения. Так, друг другу противопоставляются этнография, понимаемая как «наука о народе» (ср.: [Lozoviuk 2014]), и этнография, стремящаяся к более широкой межкультурной и межэтнической перспективе. Одну из старейших научно-исследовательских концепций последней вышеозначенной категории представляет разработанная в начале 1850-х гг. Морицем Лазарусом и Хейманом Штейнталем «Völkerpsychologie» (ср.: [Lazarus 1851]). Этническая психология должна была стать наукой, которая методом анализа языка, мифологии, религии, обычаев, права и письменных памятников должна была идентифицировать «элементы и законы духовной жизни народов», с тем чтобы определить их психологическо-ментальные характеристики [Weber-Kellermann/Bimmer/Becker 2003, 57]. Характерно, что в ее рамках придавалось значение сравнительному анализу как европейских, так и неевропейских народов.

В другую параллельно развивающуюся концепцию средневропейских исследований о человеческих коллективах оформилась так называемая «староавстрийская этнография», обозначенная

Берндом Вайнекером как незаостренный на национальном подходе вариант этнографического круга интересов [Warneken 1999, 169]. Имеется в виду исследовательская концепция, которую характеризовали два принципа: первый состоял в аутентичном знании культуры и истории изучаемого народа и был основан на полевых и архивных исследованиях, второй включал в себя более широкий круг сравнительных этнографических данных. Основой для обоих стали доводы, что специфические коллективные характеристики определенного народа, к фиксации которых этнология должна была стремиться прежде всего, могут быть реализованы только при условии, что будут учтены сравнительные взаимосвязи изучаемой общности с другими народами, и особенно с соседними [Kaindl 1903, 21].

Автором этой мысли был Раймонд Фридрих Кайндл (1866–1930), этнолог и историк, который из всего вышесказанного вывел научный императив, что исследование должно протекать контекстуально, с точки зрения сравнения и не фокусироваться на «этничности» народа, с которым идентифицировался сам исследователь. Этнографическая рефлексия мультиэтнического поля Кайндла буквально была предопределена местом его рождения — городом Черновцы, столицей самой восточной земли Австро-Венгерской империи — Буковины. С 1885 по 1891 г. в своем родном городе Кайндл изучал германистику, географию и историю. В 1893 г. здесь же в местном университете успешно прошел процедуру хабилитации и в 1904–1914 гг. работал как профессор австрийской истории¹. Позже, начиная с 1915 г. и вплоть до последних лет жизни он работал в университете в Граце, где с национальной точки зрения посвятил себя историческим темам, причем работа над этнографическими материалами отошла на второй план.

Главным делом всей своей жизни Кайндл считал историческую монографию, состоявшую из трех томов, в которой собрал историю немецкой колонизации карпатского региона [Kaindl 1907–1911]. Однако именно его собственные

¹ В академическом 1910/11 году Кайндл стал деканом философского факультета этого самого восточно расположенного немецкоязычного университета, а в последствии в 1912/13 годах и ректором.

этнографические исследования, открывшие средневропейской публике пленительный свет восточноевропейской экзотики, до сих пор привлекают внимание профессиональной общественности (ср.: [Eberhart 2001, 364]). Областью многочисленных исследований Каиндла еще со студенческих лет были Восточные Карпаты, в частности, его родная Буковина и соседствующая с ней Галичина. Здесь с 1891 по 1914 г. Каиндл занимался интенсивным изучением проживающих на данной территории этнографических, этнических и этноконфессиональных групп населения, в особенности гуцулов, русинов, липован, евреев, поляков, цыган, словаков, армян, румын и немцев. Вклад, внесенный Каиндлом в изучение локальных культур, истории и языков современной Западной Украины, после многих лет забвения был признан и оценен украинским профессиональным сообществом². Менее известным остается, в том числе и в западноевропейском пространстве, вклад Каиндла в теоретическо-методологическое развитие этнологии, который можно считать обобщением его непосредственно личного опыта. В данной статье внимание обращается не только на этнографический интерес Каиндла к восточнославянскому населению, но и разбирается сформулированное им методологически-теоретическое обобщение, прежде всего с учетом его антиципации развития европейской этнологии.

Как было сказано ранее, творческая и научная деятельность Раймонда Ф. Каиндла принимала различные формы. Одной из главных тем была этнографическая и историческая рефлексия культуры и стиля жизни карпатских славян, в особенности по-разному классифицируемых «Русинов». Кроме ряда самостоятельных публикаций, информацию о процессе исследования культуры этой своеобразной группы Каиндл повторно публиковал на страницах популярного этнологического журнала «Глобус». В рубрике под названием «Новейшие этнологические и этнографические работы из Галичины, русской Польши и Украины» внимание немецкоязычной профессиональной общественности были представлены

научные труды, главным образом, русинско-украинских авторов. В наше время довольно интересно наблюдать, как восточнославянские народы воспринимались наукой той эпохи. Неустойчивость в использованной терминологии, которой не удалось избежать даже Каиндлу, свидетельствует о затяжных неясностях, касающихся этнической классификации указанной общности. К обозначению славян, проживающих в Северо-Восточных Уграх, Галиции, Буковине, Бачке и «прилегающих областях России» [Kaindl 1902, 343] Каиндл чаще всего использовал этноним «Rut (h) enen», реже «Rusnaken». В одной из своих ранних работ Каиндл обозначил русинов «Rutenen» как «славянское племя», к которому как часть субструктуры принадлежали бойки, руснаци, верховинцы и гуцулы [Boiken, Russnaken, Werchowiner, Huzulen; Kaindl 1894, 1]. В другом же месте Русины были означены им как «большой северо-славянский народ» [Kaindl 1904, 506].

Выражение «Украинцы» (Ukrainer) преимущественно использовал как синоним для «жителей пограничья» (Grenzbewohner), так как название «Украина», по мнению Каиндла, означает пограничье (Grenzland) [Kaindl 1917, 66]. В исключительных случаях оба этих термина объединялись им в словосочетание «украинско-русинский», как, например, в связи обозначающие разговорный язык исследуемой популяции [Kaindl 1902, 355]. В вопросе отношения термина *русин* к термину *украинец* подразумевалось, что в первом случае речь идет об обозначении этнического характера, а во втором — скорее политического. Сам Каиндл для немецкой публики придерживался использования более привычного термина «русин». Такая точка зрения была обоснована следующей аргументацией: «...русины (Ruthenen) некоторое время называли себя украинцами, с целью обозначить отличие от русских, с которым делят одинаковое название (русский, русин, руснак, малорус). Переносить это название, которое было взято от одной из частей населяемой области, на немецкий язык, не имеет под собой никакого основания, так как в нем обязательно

² С начала XXI в. было проведено несколько конференций и симпозиумов, посвященных Каиндлу и его работе на тему Черновцов.

разделение на русских и русинов уже занято» [Kaindl 1917, 63].

В другой раз Каиндл аргументировал такое употребление терминов тем, что название «Украина» имеет похожие корни с названием «Австрия», так как в этом случае речь идет не столько об этнониме, сколько о надэтничном обозначении более широкой народной единицы: «Украинцами будут называться и проживающие в Украине Поляки, Русские и Немцы» [Там же]. Как можно заметить в этой цитате, взятой из работы о польском и украинском вопросе, написанной на исходе военного времени, Каиндл уже открыто высказывается о возможности установления самостоятельного «русинского» государства: «Существование Польши, так же как и самостоятельного Русинского царства (Ruthenenreich) в своих национальных границах, было бы для Европы крайне важно. Однако повторное устройство этих государств в настоящее время не будет такой легкой задачей, как может показаться в определенных кругах. Оба государства должны быть постепенно и тщательно подготовлены, для того чтобы попытка в скором времени не увенчалась крахом» [Kaindl 1917, III]. В то время Каиндл уже жил в эмиграции, куда бежал перед наступающим фронтом в 1915 г. Очевидно, именно по этой прагматической причине Каиндл уже никогда не вернулся к исследованиям в Восточной Европе.

Свои эмпирические знания, полученные в восточнославянской среде, Каиндл обобщил в теоретическо-методологической работе «Этнография, ее значение, цели и методы» [Kaindl 1903], которая, в свою очередь, является одним из наиболее значимых текстов, изданных в немецкоязычной этнографической традиции начала XX в. В этой публикации Каиндл попробовал выявить специфику этнологии и объяснить широкую общественности ее практическое значение как науки о европейских народах. Его целью было не только по-новому показать предмет этнологии, но и наметить главные рабочие методы этой все еще молодой дисциплины и пробудить к ней общественный интерес. Данная работа одновременно показывает рекапитуляцию пятнадцатилетней этнологической практики Каиндла, которая преимущественно, по его собственным

словам, происходила в специфической «этнографической провинции» — его родной Буковине [Там же, V]. Текст подкреплен высоким уровнем знания этнологической литературы того времени и является информативным примером теоретического развития дисциплины. Отступая назад, можно с уверенностью сказать, что в данной работе содержится ряд идей, которые стали ключевыми для дальнейшего развития этнологического и культурно-антропологического мышления: Каиндл обращает внимание на единство человеческой природы, холистический характер этнологии, ее ориентацию на интересубъективные тенденции в поведении и мышлении изучаемых народов, а также на необходимость интеркультурного и компаративного подхода к этнологическому исследованию и значение эмической перспективы для адекватного понятия изучаемых явлений.

В своей работе Каиндл хронологически наблюдает за развитием дисциплины, причем старается продолжать мысль исследователей как из области *Volkskunde* (Риела, Лазаруса, Штайнхала, Майера, Вайнхольда, Краусса и ряда других), так и *Völkerkunde* (Бастиана, Винтерница, Вундта и других). Как основателя научной этнологии Каиндл обозначил Адольфа Бастиана, который ориентировал ее на изучение общих закономерностей развития человечества [Там же, 2]. В противоположность этой точке зрения Каиндл при формулировании собственной позиции обратил внимание на интересубъективность этнологической сферы деятельности: «Человек в этнологии не выступает как индивидуум, особь (*Anthropos*), скорее, как национальная индивидуальность (*Zoonpolitikon*)» [Там же]. Поэтому этнология для него наука о коллективном характере (*Volkgeist*), элементах и закономерностях духовной жизни обществ, а также их особенностях [Там же, 16]. Во вступительной части работы Каиндл своеобразным способом попытался разобраться в неясности основной отраслевой терминологии того времени. На этом основании он предложил собственный вариант типологизации и иерархии «этических наук» (*Völkerwissenschaften*) — дисциплин, которые ставятся в основание области научных интересов человека и общества [Там же, 23].

В своей концепции Каиндл исходит из иерархического деления основных исследовательских традиций, из которых наиболее универсальной и главной над всеми остальными он считает этнологию, по-немецки «Völkerwissenschaft». Речь идет об аналитическо-сравнительной науке, которая с исследовательской точки зрения не ограничена территориально и ориентирована на все проживающие на планете народы и на все аспекты их жизни. «Völkerkunde» (антропология) понимается, прежде всего, как сравнительная этнология и в то же время как этнология «диких или полудиких» обществ. В сферу ее деятельности также входит и описание человека с «биологическо-антропологической» и «природно-географической» позиции. Следующей категорией является «Völkerbeschreibung» — описательная, не аналитическая дисциплина, которая способна тематизировать, опять же без географических ограничений, любое человеческое общество. Последний вариант дисциплины представляет «Volkskunde», определенная Каиндлом как наука о фольклоре и специфицированная как «знания народа», а не, как полагалось раньше, «знание о народе» [Там же, 23]. В отличие от «Volkskunde» как науки о народе/нации (Volk), которую предзнаменовал в немецкоязычном пространстве Вильгельм Генрих Риел³, Каиндл описывает «Volkskunde» как науку о «начальной наивной ступени людской культуры» [Там же, 54]. Необходимо дополнить, что в немецкоязычном пространстве термин «Volkskunde» помимо уже сказанного выше, так же обозначал «жизненный стиль народа», т. е. культурные проявления низших, обычно деревенских, социальных слоев.

В данном контексте наибольший интерес представляет аргументация Каиндлом иерархического подчинения антропологии этнологии в системе этнологических наук: «Необходимо <...> подчеркнуть, что в случае с этой наукой (этнологией) речь не идет о человеке как таковом, о антропосе, скорее о людском обществе, то есть об этносе. А по причине того, что понятие “этнос” в любом случае первостепенно понятию “антропос»,

то и термин “этнология” возможно поставить над термином “антропология” [Там же, 24]). Этнология, по мнению Каиндла, должна заниматься изучением закономерности (принципа) коллективного бытия, «народного характера», которым определенное общество (этникум, народ) отличается от других [Там же, 44]. В сфере интереса этнологии в то же время должен попадать и «народ» (Volk), то, как народ «думает и рассуждает, во что верит и как проявляет себя творчески, что считает неправильным и как живет» [Там же, 45].

Для выполнения этих задач Каиндл посчитал необходимым для начала изучить один народ (или иначе — дефинированную группу) или сориентироваться на сравнительное исследование разных народов в определенной «географически разграниченной провинции» [Там же, 22]. За этой исследовательской задачей должно было стоять другое, высшее послание дисциплины: Через познание определенной посполитости, «народа» (Volk), этнолог должен уметь понять обобщающий, вероятный «коллективный народный дух» (Volkgeist), из которого выходят «главные чувства и мысли, влияющие на каждого человека, и раскрыть принципы наивной философии народа и ее понятие мирового порядка» [Там же].

По мнению Каиндла, этнология должна стать настоящей «философией будущего» — что значит универсальной наукой, которая благодаря своей ориентации на человека, группы людей и человечество в целом, должна дополнить понятие философии, которую в ту эпоху он считал непродуктивной спекуляцией, отдалившейся от познания правды и оставшейся простой риторической сноровкой [Там же, 6]. Этнология должна стать «апогеем человеческого знания» не только потому, что изучает «самое совершенное существо», но и потому, что ей принадлежит решение комплексных и сложнейших человеческих задач [Там же, 8]. Этнология имеет весомое «практическое» значение, так как создает знание, которое способно уменьшить напряжение между определенными группами любого народа, а также повлиять на ослабление

³ «Этнографию нельзя предствить как науку до тех пор, пока она не поставит во главу своих рассеяных исследований идею народа» [Riehl 1858, 15].

предрассудков и стереотипов между народами как таковыми [Там же, 46]. Попытаться занять место посредника между народами и способствовать процессу их сближения путем взаимного познания должно быть основной задачей каждого этнолога [Там же, 44].

В изложенных выше идеях содержится оригинальный вклад Каиндла в «космополитическую» и «национально беспристрастную» этнографию, которая развивалась в рамках вышеупомянутой «староавстрийской этнографии». Для такого понимания этнографической практики было характерно, что внимание не было направлено исключительно на эксклюзивное исследование национально определенной популяции. Последователи этого направления старались занять скорее посредническую роль «между центрами национально ориентированных этнографий» [Haberland 1904, 178], обычно при помощи компаративной методологии. По этой причине староавстрийские этнографы не ограничивались изучением немецких, чешских, польских и остальных народов, населяющих империю, не меньший интерес для них представляли и другие этнографические группы, которые в их представлении способствовали формированию «государственно-политического» австрийского народа. Некоторые австро-венгерские ученые при помощи акцентирования внимания на общих культурных чертах пытались прямо выступать против сепаратистических или сецеонистически влияющих концептов национально ориентированных этнографий [Johler 1995, 86]. Конечной целью этнографии в таком понимании было показать, что монархия хоть и состоит из отличающихся друг от друга пространственных, исторических и этнических субстратов, но в то же время создает жизнеспособную единицу, для которой характерен ряд структурных схожестей.

Автором первой знаменательной работы, во многом благодаря которой возникла «староавстрийская этнографическая традиция» (ср.: [Schmidt 1951, 102n; Grieshofer 1999: 127]), был австрийский статистик Карт Фрайхер Черниг фон Чернхаузен, создатель, а с 1859 по 1869 г. и президент «Statistische Zentralkommission» в Вене. Трехтомная монография Чернига «Этнография Австрийской монархии»

[Czoernig, 1857] стала действительно своеобразной классикой, к тому же монография была дополнена первой подробной «этнографической картой» Австро-Венгрии. Эта карта, которая представляла собой первую визуализацию этническо-языковых отношений в монархии, стала образцом для аналогичных картографических опытов в будущем. В своей работе, которая представляла результат шестнадцатилетнего труда группы внештатных сотрудников [Czoernig 1857, XVIII], Черниг обращал особое внимание на «этнографическую» пестроту монархии, которая по причине очевидного этнического смешения проживающих здесь народностей и этнических групп воспринималась как маленькая Европа.

Главной целью данного исследования Черниг считал проведение первой этнической инвентаризации монархии, которая была предпринята с позиции описания «этнографических границ и островов включая статистическо-этнографический обзор всех этник австрийской монархии и этнографической истории отдельно взятых королевских земель» [Czoernig 1857, XIII]. В своей работе ученый вполне осознанно принял решение предпочесть этнический принцип принятому в то время принципу языковому, то есть изложить этнические отношения выбранных областей путем собрания «этнографических данных». Такая точка зрения позволила ему более широко трактовать проблематику межэтнических отношений [Czoernig 1857, XII]. Помимо описания главных народов, проживающих в Австрии, не меньшее внимание было уделено и немногочисленным, сравнительно непримечательным общинам. С точки зрения групповой классификации Черниг различал 137 народных (Volkstämme) и 22 языковых (Sprachstämme) племена, которые относились к четырем главным языковым группам (семьям) — немецкой, романской, славянской и венгерской. Своей работой Черниг способствовал развитию не только в области этнической картографии, поставив акцент на релевантности этнического состава монархии, но и предзнаменовал и другие направления интерэтнически ориентированной этнографии средневропейского пространства.

Наиболее выразительным начинанием, продолжающим дело Чернига, можно считать двадцатичетырехтомную энциклопедию «Австро-Венгерская монархия словом и образом». В ней представлены все народы, населяющие земли, принадлежащие Австро-Венгерской империи⁴. Одним из авторов этой энциклопедии являлся и Раймонд Ф. Каиндл, которому досталось задание описать местных гуцулов в томе, посвященном Буковине. Буковинских гуцулов, своеобразных жителей горных областей Карпат, говорящих на восточнославянских диалектах, Каиндл обозначил как специфическую подгруппу русинов (Ruthenen), которую возможно далее внутренне дифференцировать с точки зрения выбранных культурных знаков. От гуцулов, проживающих в Галиции, они, по мнению Каиндла, отличаются вероисповеданием и некоторыми особенностями в области народных обычаев, одежды и языка [Kaindl 1899, 271]. Далее автор уделяет внимание определению этих особенностей и описанию своеобразия гуцулов в культуре, жизненном стиле, часто в контрасте с их иноэтническими соседями. Эти горцы, в определении Каиндла, отличаются от обитателей низин не только физической силой, но и «самоуверенностью», а с точки зрения этнографии являются более интересными, так как «особенно преданно придерживаются старых обычаев», которые содержат следы «старославянской» культуры [Kaindl 1904, 507]. Неудивительно, что гуцулам и их культуре Каиндл уделил внимание в целом ряду других статей, в том числе и в этнографической монографии [Kaindl 1894].

Одним из редакторов этого многотомного издания был эрцгерцог Йозеф Карл Людвиг Габсбургско-Лотринский. В действительности то, что к основным представителям дисциплины принадлежал и член правящей династии, относится к забытым интермеццо истории средне-европейской этнологии. Йозеф Карл Людвиг был известен в европейском пространстве благодаря своим лингвистическо-этнографическим работам, посвященным венгерским «Цыганам»⁵. Научное

значение эрцгерцога в изучении языка и этнографии «Цыган» и приложенные им усилия для «социального подъема» этой маргинализованной группы оценил и Раймонд Ф. Каиндл [Kaindl 1903, 44]. Благодаря эрцгерцогу зарождающаяся этнология имела заступничество в высших государственных кругах, что пригодилось при подготовке и реализации больших этнографических проектов, которые были ориентированы на изучение традиционной культуры различных народов монархии.

Научный интерес, направленный на поддержку этнического описания Австро-Венгрии, вел к постепенной систематизации исследовательской работы, организация которой во многих случаях приводила к формированию научного общества. Уже в 1870 г. в Вене появилась «Антропологическое общество», в его рамках с 1884 г. существовала «Этнографическая комиссия». Как одну из своих целей, данная комиссия обозначила «заботу» о австро-венгерской монархии и балканских землях [Vockhorn 1996, 89–90]. Интерес к этнографическому исследованию Балкан был усилен политической ситуацией того времени. Австро-Венгрия в 1878 г. оккупировала Боснию и Герцеговину, а австро-венгерские политики не скрывали своих намерений дальнейшей экспансии в юго-восточном направлении. Главными представителями исследования юго-восточного направления были Густав Майер, Йохан Георг фон Ган, Феликс Филипп Каниц, Карл Патч, Максимилиан Ламберз, а также Фридрих Салома Краусс и Михаэль Габерланд (срав. [Gruber 1998]).

Благодаря стараниям последнего в Австро-Венгрии произошла не только популяризация транснациональной этнографии, но и конструирование академической этнографии как таковой. Этот ученый стал автором специфической протоконцепции европейской этнологии, в которой особое внимание уделялось важности сравнительного этнологического исследования. Габерланду удалось обогнать свое время с идеей организации конгресса, который планировалось

⁴ Отдельные работы (всего их было 24) периодически публиковались в промежутке между 1885 и 1902 гг. в двух языковых вариантах — немецком и венгерском.

⁵ Данные работы были посвящены истории, культуре, вероисповеданию, фольклору и языку венгерских цыган.

посвятить исключительно европейской этнографии [Johler 1995, 90]. Цель данного мероприятия заключалась в координации международного сотрудничества этнографов, которые считали предметом своего исследовательского интереса Европейский континент. С точки зрения академического обоснования дисциплины интересно, что, хотя Михаэль Габерланд мог защитить диссертацию по специальности «Этнография», самостоятельная профессура на университете для него организована не была [Johler 1995, 84]⁶. По этой причине его научная деятельность, ориентированная на сравнительную этнологию, проходила в Венском музее (Museum für Österreichische Volkskunde), директором которого он являлся. Созданием этого музея (1895) закончилась первая фаза институционализации дисциплины, которая брала свое начало еще во времена основания упомянутой ранее Этнографической комиссии венского Антропологического общества (1884). В 1894 г. последовало возникновение «Австрийского этнографического общества», что было заслугой Габерланда и Вильгельма Гейнема — лингвиста, ориенталиста и этнолога. В том же году по инициативе Габерланда был открыт союзный орган «Zeitschrift für österreichische Volkskunde». Задача союза, журнала и музея была обозначена в «сравнительном исследовании, документации и презентации» жителей монархии, которая и, по мнению Габерланда, представляла собой «этнографическую пестроту Европы» [Haberland 1895, 1]. Акцент на сравнительный аспект этнографического исследования сохранялся в данных организациях до распада в 1918 г.

Распад Австро-Венгрии вследствие событий Первой мировой войны привел к односторонней ориентации этнографического интереса на немецкоговорящие области. Результатом была последующая этнизация и провинциализация этнографической деятельности практически во всех областях дисциплины. Главным научным течением в межвоенной Австрии стала «heimische Volkskunde»,

которая корреспондировала с идеологически подозрительными концептами предвоенной и военной «этнической» (völkische) этнографии в Германии. Также развивались в это время и этнографические традиции других народов среднеевропейского пространства⁷.

Вопреки этому, «основные принципы» этнографической деятельности, по мнению Каиндла, состояли в «непредвзятости во всех народных вопросах» [Kaindl 1903, 46]. В представлении Каиндла этнолог должен начать с тщательного изучения какой-то «этнографической провинции», которая бы была, если это возможно, меньше, нежели область какого-нибудь народа, а также начатое исследование постепенно компаративно расширять на другие области [Kaindl 1903, 94]. Каиндл считал сбор эмпирического материала необходимой предпосылкой к какой-либо «теоретической работе» [Там же, V], так как этнология должна быть индуктивной наукой о человеческих обществах, берущей начало из межэтнического слоя и сравнительной перспективы [Там же, 46]. «Культуру какого-либо народа нельзя изучить, просто собрав в кабинете ее отдельные особенности: скорее нужно пытаться понять то, что в ней скрыто, что типично, на что она ориентирована, то, что направляет и ведет мысли (данного общества)» [Там же, 7].

Каиндл полагал, что «практический» размер этнографической работы заключается в «творении добра», которое должно было проявляться в образовании народа, воспитании молодежи, бое с предрассудками, повышении уровня морали и «интеллекта» народных групп [Там же, 48]. Другой возможной положительной ролью этнологического «know-how» Каиндл считал посредничество в «отличающемся понимании права» у народа и представителей государственной власти, например, при рассмотрении некоторых преступлений. Практическое значение понимания прелогического мышления, свойственного «обычным» людям, было иллюстрировано им при помощи ряда примеров из своей родной Буковины

⁶ Малоизвестным фактом является то, что первая (и единственная) профессура в Австро-Венгрии по специальности «Этнография» (Volksunde) была основана в Пражском немецком университете летом 1918 г. и получена Адольфом Хауффеном (ср.: [Lozoviuk 2014, 85]).

⁷ Исключением являлось европейское фольклористическое исследование, которое исходило из более широкой компаративной области.

(ср.: [Там же, 50]). «Политическая важность» этнографии, по мнению Каиндла, особенно проявляется при исследовании «этнографического характера» на уровне отдельных народов [Там же, 44]. Но практическое значение знаний, полученных при этнологическом исследовании, являлось еще более обширным. По этой причине им был отправлен справедливый, но не слишком обнадеживающий запрос на финансирование этнологического исследования со стороны государственных органов.

Своей методологическо-теоретической публикацией Раймонд Фридрих Каиндл хотел обратить внимание на научный и общественный потенциал этнологии, тогда еще сравнительно новой, постепенно академически обосновываемой дисциплиной, и наконец-то аргументировать ее право на самостоятельное существование⁸. Его работы можно считать вкладом в первую международную дискуссию о перспективах развития этнологии в средневропейском пространстве. В дебатах, которые были вызваны взглядами швейцарского лингвиста и этнографа Эдуарда Хоффмана-Краера, кроме формулирования нового направления в этнологии, речь шла и о вопросе существования «природных закономерностей» в области этнографических реалий (ср.: [Hoffmann-Kraeyer 1902]). Значение этнографических статей Каиндла, ориентированных на культуру восточноевропейских народов, однако, как уже в начале 1950-х гг. констатировал старейшина австрийской этнологии Леопольд Шмидт, его современниками распознано не было [Schmidt 1951, 123].

Вера Дайснер в своей знаменитой публикации о ранней средневропейской этнографии отметила, что работа Каиндла привлекла к себе внимание лишь спустя двадцать лет и лишь на непродолжительное время [Deißner 1997, 172]. Каиндла можно отнести к выделенной Юрием Лотманом группе «несуществующих» протоэтнологов, работы которых, несмотря на их очевидную инновационность, при развитии специальности были игнорированы, поскольку в то время их точка зрения не совпадала с нормативными взглядами эпохи [Lotman 2010, 172].

Заслуги Каиндла были признаны совсем недавно, причем его этнологически ориентированные публикации получили более высокую оценку (ср.: [Lozoviuk 2012, 24; Verhovsek 2011, 84; Eberhart 2001, 373]), чем его историографические работы, в особенности те, которые были написаны после войны [Fookan 1996; Oberkrome 1993, 76].

Спустя более чем сто десять лет после написания главной теоретической работы Каиндла европейская этнология в Средне-восточной Европе оказывается в определенном смысле в аналогичной ситуации: у дисциплины появляются проблемы с собственной идентичностью. Ярким примером тому служит неспособность к внутренней регенерации с помощью собственных ресурсов после коллапса марксистской этнографии в конце 1980-х гг. Результатом подобного развития стала этнология, которая этикирована собственными представителями различными обозначениями, под которыми подразумеваются разные содержания. Спасение, и в рамках больших классических традиций (например, немецкоязычной или русскоязычной), видится в заимствовании англосаксонских исследовательски-методологических образцов.

При этом парадоксально, что многие из них являются прямым дериватом средневропейской традиции этнологического мышления. Недавно сложившуюся ситуацию прокомментировал греческо-австрийский этнолог и фольклорист Вольтер Пухнер: «В то время как *Ethnologia Europaea* представляет собой серьезную, уже с самого начала основанную как сравнительную, исследовательскую традицию, *Home-Anthropology* и практикуемая американцами *European Anthropology* с их преувеличенными притязаниями на правдивость вместе с академическим и медиальным имиджем новой универсальной науки создают ситуацию, которая под знаком глобализации и вестернизации могла бы быть приравнена к академическому империализму и теоретическому колониализму» [Puchner 2009, 22].

Возвращение к европейским классикам этнографической мысли, таким образом,

⁸ Каиндл вступал в полемику с взглядами того времени, рассматривающими этнологию более как вспомогательную науку, нежели самостоятельную дисциплину.

может стать существенным вкладом в развитие полиполярного взгляда на предмет, в рамках которого ни один из подходов

к пониманию этнологии/антропологии не должен считаться единственно возможным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Заведующий кафедрой антропологии философского факультета Западночешского университета: Чехия, г. Пльзень, CZ-306, ул. Седлачкова, д. 15; e-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

EAST-EUROPEAN ORIGINS OF EUROPEAN ETHNOLOGY

PETER LOZOVYUK

(University of West Bohemia: Czech Republic, Plzeň, CZ-306, Sedlackova str., D. 15)

Summary. *This paper elucidates contribution of the Austrian ethnographer and historian R. F. Kaindl to the studies of Eastern-Slavic populations and in particular its methodological-theoretical concept of ethnological research. Interpretive frame for evaluating Kaindl's ethnographic creativity at the turn of the 19th — the 20th centuries is formed by European Ethnology ("Ethnologia Europea"), which in the text is marked as a special kind of research tradition of studies on human and society. The author believes that value of Kaindl's contribution to the development of European comparative ethnology consists both in his empirically oriented ethnographic works, through which Middle-European audience has gained the captivating light East-European exotica, as well in anticipation of further development of European Ethnology in and of itself.*
Key words: *European ethnology, R. F. Kaindl, history of ethnology, ethnological theory.*

References

Bockhorn O. (1996) Nationale Volkskunde versus Europäische Ethnographie. Michael Haberlandt und die österreichische Volkskunde um die Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert. *Narodna umyetnost'* 1996. No. 33/2. Pp. 87–97. In German.

Czoernig K. V. (1857) Ethnographie der Österreichischen Monarchie. Wien. In German.

Deißner V. (1997) Die Volkskunde und ihre Methoden. Perspektiven auf die Geschichte einer "tastend-schreitenden Wisserschaft" bis 1945. Die Entstehung und Entwicklung des volkskundlich-methodologischen Paradigmas im Spannungsfeld des gesellschaftlichen Diskurses bis 1945. Mainz. In German.

Eberhart H. (2001) Die Volkskunde nährt durchaus keinen Gegensatz gegen andere Völker, sie ist vielmehr im besten Sinn kosmopolitisch. Zur Rezeption der Werke Raimund Friedrich Kaindls. *Volkskundliche Tableaus.* Ed. by S. Becker, et al. Eine Festschrift für Martin Scharfe zum 65. Geburtstag von Weggefährten, Freunden und Schülern. Münster (a. d.). Pp. 357–374. In German.

Erixon S. (1967) European Ethnology in our Time. *Ethnologia Europaea.* 1967. No. 1. Pp. 3–11. In English.

Fooker H. F. (1996) Raimund Friedrich Kaindl als Erforscher der Deutschen in den Karpatenländern und Repräsentant grossdeutscher Geschichtsschreibung. Lüneburg. In German.

Grieshofer F. (1999) Karl Freiherr von Czoernig (1804–1889). Ein Wegbereiter der Ethnographie in Österreich. Grieshofer, F.; Schindler, M. (eds.) Netzwerk Volkskunde. Ideen und Wege. Wien. Pp. 117–12_. In German.

Gruber S. (1998) Austrian Contributions to the Ethnological Knowledge of the Balkans since 1850. *Ethnologia Balkanica.* 1998. No. 2. Pp. 14–224. In English.

Hoffmann-Krayer E. (1902) Die Volkskunde als Wissenschaft. *Volkskunde. Ein Handbuch zur Geschichte ihrer Probleme.* Ed. by Lutz Gerhard. Berlin 1958. Pp. 43–60. In German.

Johler R. (1995) Das ethnische als Forschungskonzept: Die österreichische Volkskunde im Europäischen Vergleich. Beitzl K., Bockhorn O. (eds.) *Ethnologia Europaea.* 1995. No. 5. Pp. 69–101. In German.

Kaindl R. F. (1899) Die Huzulen. *Die Österreichisch-ungarischen Monarchie in Wort und Bild, Teil: Bukowina.* Wien. Pp. 271–282. In German.

Kaindl R. F. (1904) Im Huzulengau. Ein Bild aus dem karpathischen Waldgebirge. *Globus.* II-

lustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. Band LXXXV. No. 18. Pp. 505–507. In German.

Kaindl R. F. (1917) Polen. Mit einem geschichtlichen Überblick über die polnisch-ruthenische Frage. Leipzig; Berlin. In German.

Kaindl R. F. (1894) Die Huzulen. Ihr Leben, ihre Sitten und ihre Volksüberlieferung. Wien. In German.

Kaindl R. F. (1902) Neue anthropologische und volkskundliche Arbeiten über Galizien, Russisch — Polen und die Ukraine. *Globus. Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde*. Band LXXXII. No. 21. Pp. 339–358. In German.

Kaindl R. F. (1903) Die Volkskunde. Ihre Bedeutung, ihre Ziele und ihre Methode. Mit besonderer Berücksichtigung ihres Verhältnisses zu den historischen Wissenschaften. Ein Leitfaden zur Einführung in die Volksforschung. Leipzig. In German.

Kaindl R. F. (1913) Geschichte und Volkskunde. Czernowitz. In German.

Kaindl R. F. (1913/1914) Die moderne Volkskunde und ihre Bedeutung. *Die Geisteswissenschaften*. Leipzig. Vol. 1. Pp. 172–176. In German.

Kaindl R. F. (1907–1911) Geschichte der Deutschen in den Karpathenländern. In 3 vol. Gotha. In German.

Kaschuba W. (1999) Einführung in die Europäische Ethnologie. München. In German.

Lazarus M. (1851) Über den Begriff und die Möglichkeit einer Völkerpsychologie als Wissenschaft. *Deutsches Museum*. Ed. by R. E. Prutz. Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben 1. Pp. 112–126. In German.

Lotman Yu. M. (2010) Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie der Kultur. Berlin. Transl. from Russian. In German.

Lozoviuk P. (2012) Grenzland als Lebenswelt. Grenzkonstruktionen, Grenz Wahrnehmungen und Grenzdiskurse in sächsisch-tschechischer Perspektive. Leipzig. In German.

Lozoviuk P. (2014) Volkskunde als Nationalwissenschaft. Kaiserová K., Kunštát M. (eds.). Die Suche nach dem Zentrum. Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945). Münster; New York. Pp. 73–118. In German.

Lutz G. (ed.) (1958) Volkskunde. Ein Handbuch zur Geschichte ihrer Probleme. Berlin. In German.

Oberkrome W. (1993) Volksgeschichte. Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918–1945. Göttingen. In German.

Puchner W. (2009) Studien zur Volkskunde Südosteuropas und des mediterranen Raums. Wien; Köln; Weimar. In German.

Riehl W. H. (1935) Die Volkskunde als Wissenschaft (1858). *Die Volkskunde als Wissenschaft*. Zwei Vorträge von Wilhelm Heinrich Riehl und Adolf Spamer. Berlin; Leipzig. Pp. 9–22. In German.

Roth K. (1995) Europäische Ethnologie und Interkulturelle Kommunikation. *Schweizerisches Archiv für Volkskunde*. 1995. No. 91. Pp. 163–181. In German.

Schmidt L. (1951) Geschichte der österreichischen Volkskunde. Wien. In German.

Verhovsek J. (2011) “Theoriendynamik” in der österreichischen Volkskunde. *Volkskunde in Österreich*. Bausteine zu Geschichte, Methoden und Themenfeldern einer Ethnologia Austriaca. Innsbruck. Pp. 75–125. In German.

Warneken B. J. (1999) „Völkisch nicht beschränkte Volkskunde“. Eine Erinnerung an die Gründungsphase des Fachs vor 100 Jahren. *Zeitschrift für Volkskunde*. 1999. No. 95. Pp. 169–196. In German.

Weber-Kellermann I., Bimmer A. C., Becker S. (2003) Einführung in die Volkskunde/Europäische Ethnologie. Stuttgart. In German.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

15, Sedláčkova str., CZ-306 14, Plzeň, Czech Republic

Head of the Department of Anthropology, Faculty of Philosophy and Arts, University of West Bohemia, Pilsen, Czech Republic
